

ВСТРЕТИМСЯ
В ТЕМНОТЕ

ДЕНИС СТАРОСТИН

Денис Старостин

Встретимся в темноте

«Издательские решения»

Старостин Д.

Встретимся в темноте / Д. Старостин — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-745305-3

Сестры Лиза и Аня никогда не были обычными девочками — им дана способность свободно ходить между миром живых и мертвых. Конец учебного года обернулся для них кошмаром пострашнее, чем выпускные экзамены. Один за другим начинают пропадать школьники. А тут еще их отец организовал бизнес по доставке людей из мира мертвых. Однако исчезновения — не главная опасность, с которой придется столкнуться девушкам. Похоже, их семью преследует кто-то, взявшийся из таинственного прошлого отца.

ISBN 978-5-44-745305-3

© Старостин Д.
© Издательские решения

Содержание

Глава 1. Поучительная история	6
Глава 2. Круги на воде	10
Глава 3. Квартира Морозовой	16
Глава 4. Сила сопротивления	22
Глава 5. Дело номер 11А	29
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Встретимся в темноте

Денис Старостин

*Чудовища бывают разных форм и размеров,
некоторые – это то, чего люди боятся,
некоторые – то, чего люди боялись, но давно забыли.
«Океан в конце дороги», Нил Гейман*

*Старина Нил забыл добавить,
что некоторые чудовища – это то, что люди
любят больше всего на свете.*

Дизайнер обложки Мария Скопинцева

© Денис Старостин, 2017

© Мария Скопинцева, дизайн обложки, 2017

ISBN 978-5-4474-5305-3

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Глава 1. Поучительная история

Его нигде не было.

Женщина, прижимавшая к лицу намочший платок, наблюдала, как девушка режет ножом правую ладонь. Аня морщилась, но глаза не открывала.

– Что она делает?

Из-за слез голос женщины звучал приглушенно. Она умоляюще смотрела на стоявших рядом с ней, словно они были ее последней надеждой.

Впрочем, так и было.

Мальчик исчез со своего дня рождения, когда родители провожали первую партию гостей, а дети остались играть в спальне. Их было трое. Старшему – восемь, и где-то он прочитал то, что ни в коем случае читать было нельзя.

Девушка убрала нож и сжала ладонь лодочкой, чтобы не расплескать ни капли.

– Аня собирает кровь, чтобы она показала ей путь, а Лиза поможет ей отыскать вашего сына.

Лиза нахмурилась. Она не любила, когда рядом с ними кто-то болтал в такой важный момент. Но их отцу это было говорить бесполезно. Он часто ходил с ними, особенно, если надо было успокоить клиентов. Егор Сергеевич был ответственным человеком, однако в чем-то еще сохранял детскую наивность. Порой сестрам казалось, что чем серьезней становятся они, тем веселее их отец. Лиза, конечно, понимала: каждый справляется со стрессом как может, но иногда это выводило ее из себя.

Но это лучше, чем сейчас бы мать мальчика мешала им. Пусть отец возьмет огонь на себя, а девушки будут работать.

Крови собралось уже порядочно. Аня немного разжала ладонь, дав жидкости растечься, и повела рукой в сторону. Справа от нее – стена, ничем не загороженная. Лишь висят несколько детских рисунков. Антоша обожает рисовать. Его размалеванные альбомные листки в этой квартире повсюду. Некоторые даже в рамках.

Реакции никакой. Мать Антоши замолчала, перестав плакать, и внимательно посмотрела на Аню. Та повернулась на девяносто градусов и указала рукой на окно. Кровь по-прежнему озерцом алела на ее ладони.

Ничего.

Что же здесь произошло? Старший из компании детей в тот вечер принес свечку, взятую у матери. Парафиновый слоник голубого цвета. Большого для ритуала и не надо. Зажгли, пока никого дома не было. Взяли карандаш, обмакнули в расплавленный парафин и нарисовали на полу то, что пришло и забрало Антошу.

«А им теперь ищи его. За ребенком внимательнее надо было следить», – подумала Лиза.

Разумеется, мать Антоши не верила, что кто-то мог явиться из детского рисунка на зеркале и утащить ее сына. Она скорее поверит в террористов, дыру в полу, что ребенок вылез в окно или вышел на лестницу и его похитили. Доводы двух других маленьких засранцев, что внезапно стало темно и очень холодно, а потом кто-то пронесся вихрем по квартире, вырубив свет, ее не убедили. Ничего, сейчас она убедится.

Сколько детей во всем мире играет с потусторонними силами? Все любят страшилки, рассказывают их друг другу под одеялами в летнем лагере. Конечно, вреда от детских сказок никакого нет, но даже ребенок может ненароком прочесть нечто опасное.

Лужица крови в ладони Ани немного начала подрагивать. Лиза видела, как пальцы сестры дрожат, пытаясь не расплескать ни капли. Сестры были возле кровати, когда кровь внезапно забурлила, растеклась по ладони девушки и закапала на ковер.

Тут.

Аня сомкнула руку в кулак и направила стекающую струйку на покрывало с машинками, которым была застелена детская кроватка. Кровь окрасила ткань и на их глазах мгновенно впиталась. Отец, шептавший что-то на ухо матери Антоши, замолчал и внимательно посмотрел на дочерей сквозь узкие очки без оправ. Лиза подошла к ним и проводила за дверь. Напоследок отец ободряюще кивнул ей. Девочка повернула ручку.

Кожа Ани стала белее мела. Девочка никогда не любила загорать, а в такие моменты казалось, что она из бумаги. Гладкие черные волосы до середины спины. Глаза глубокого синего цвета в точности как у отца.

Она подошла к Ане.

– Мы нашли, – сказала та.

– Поняла, выполняю.

Лиза села на корточки перед кроватью. Покрывало спадало до пола, закрывая от них пространство под дном. Слегка касаясь, она провела рукой по ткани, и почувствовала адский холод. Да, Аня как обычно не ошиблась. Это тут.

– Лиза, поспеши.

– Да знаю я, что времени мало. Ты всегда это говоришь.

За дверью мать Антоши и все родственники, у которых не хватило духу зайти в проклятую квартиру, ждут, когда Лиза отправится напрямиком в ад, чтобы вытащить их сына на свет божий. «Я вам не Джон, мать его, Константин», – подумала Лиза. – «Не будет такого».

Она отдернула покрывало, и ветер заморозил ей грудь и ноги. Из-под кровати веяло таким холодом, что Лиза засомневалась, стоит ли туда лезть. Но она знала, что стоит. Это маленькие дети боятся, что оттуда вырвется рука, схватит их и утащит к себе. Взрослые семнадцатилетние девушки в такие штуки не верят. По крайней мере, просто так руки здесь не появятся. Если, конечно, всякие восьмилетние засранцы не найдут в Интернете кое-какие тексты.

Голова Лизы уже была под кроватью, и она смогла разглядеть в темноте довольно широкий кирпичный лаз, похожий на горизонтальную дымовую трубу. Веяло холодом, словно на другом конце была Лапландия. Но веселый Санта-Клаус ее там явно не ждал.

Она залезла туда по пояс, опираясь на руки. Весь лаз был наполнен стылой водой. Моментально перестав чувствовать руки, она зашла в него коленями и почувствовала, как намокают колготки. Аня сзади похлопала Лизу по бедру.

– Да лезу я, лезу.

Чем дальше, тем холоднее. Она намочла, замерзла, зуб не попадал на зуб, однако чувство холода отступало на второй план, давая дорогу другому ощущению.

Страх.

Лиза привыкла с ним справляться в таких местах. Первые метры даются легко, потом она начинает немного волноваться. Но обычно ее хватает до конца. Свет из комнаты, пробивающийся в щель под кроватью, совсем потускнел. Сейчас она даже до Ани докричаться не смогла бы. Становится все страшнее. Иррациональный страх, как объяснял школьный психолог, приходит к нам из снов. В снах мы видим иллюзорные отражения наших реальных проблем, но не можем справиться с ними обычными методами, мы не понимаем, что нужно делать. Даже страх темноты – это боязнь неизвестности, боязнь шагнуть в пропасть, которую не видишь.

Впереди было темно, но Лиза пока не волновалась. Глаза к мраку привыкли, она ползла по воде, слыша, как стучат зубы. Ее зовут Лиза Комор. Вдвоем с сестрой они борются с Тьмой. Хотя борьбой это трудно назвать – они лишь исправляют кое-какие последствия. С Тьмой бесполезно сражаться, особенно, если это та Тьма, что пишется с большой буквы. Они – котятки, которым дано Видеть. Кстати об этом. Лиза увидела впереди маленький огонек и жутко струхнула.

Почему? Во-первых, света во Тьме не бывает. Чем дальше забираешься, тем легче видеть, однако не из-за того, что светлеет. Ты привыкаешь, становишься здесь своим. Можно и вовсе потеряться, отец рассказывал им об этом. Во-вторых, девушки знали – если во Тьме они вдруг заметят огонек, то им конец. А Лиза просто так умирать не хотела.

Огонек рос. Девочка остановилась, но он все равно рос. Ее колотило так, что она чуть не билась головой о кирпичную кладку сверху. Аня бы ее сейчас на смех подняла. Но ведь это огонек!

Его кто-то держал. Кто-то полз с той стороны. Это было так странно, что Лиза впала в ступор. Что происходит? Неужели после почти шести лет их забот, правила игры начали меняться?

Это был Антоша. Она узнала по фотографии, которую показывала его мать. Хотя сейчас его трудно узнать. Зрачков нет, лишь темные провалы вместо глаз. Волосы всклокочены, кожа мертвенно-голубая. Мальчик полз, не сбавляя темпа. В руках масляная лампадка, словно из музея средневековой истории. Чем он ближе, тем больше Лиза чувствовала, что ей пора обратно. Из Тьмы не идут с добрыми намерениями.

Трудно будет с этим смириться, но Антоши больше нет. То, что она видела – не более, чем грубо слепленная копия, гомункул. К сожалению, из Тьмы уже не возвращаются. Нельзя сказать, что Лиза зря мочила колготки, ведь знала, что все потеряно. Иногда им удавалось поговорить с похищенным человеком. Но если он сам навязчиво ползет с *той* стороны, это смущает. И Лиза начала отползать. Вода плескалась во все стороны, заливаясь даже за воротник блузки, но она не останавливалась.

Страх не отступал. Наоборот, она поняла, кто был источником. Его породил Антоша. То, что ползло к ней навстречу.

«Нельзя, чтобы оно добралось до кровати», – лихорадочно соображала девушка. – «На это случай я взяла с собой одну штуку. Нет, не распятие. И не дробовик. Я же не Ван Хельсинг, чтобы палить во все стороны по вампирам».

Это старый набор карандашей Антоши. Они почти сточились, тем не менее, были хорошо заточены. Лиза достала их из коробки по одному и начала строить частокол, перегораживая кирпичный лаз перед собой. Ее руки дрожали, она постоянно роняла карандашики. Антоша все ближе.

Нервы сдавали. Она никак не могла поставить заключительный розовый карандаш в центр, чтобы замкнуть ряд. Он скользил и падал. Скользил и падал. Их с Антошей разделяют уже какие-то считанные сантиметры.

– Уходи! Убирайся!

Он не реагировал, продолжая ползти. Все равно, что кричать на поезд. Лиза уже не могла держать этот кусок дерева, преграда никак не завершалась. Пламя лампадки уже жарило ей лоб. Лиза встретила глазами с Антошей и погрузилась в темноту.

Где-то в глубине головы она услышала настойчивые крики знакомой девочки. Она кричала, чтобы Лиза вставала и прекращала ронять сопли. Куда вставать? Она не чувствовала своего тела, тонула в собственном страхе, не видя перед собой спасательного круга.

И тут все вернулось на свои места с такой стремительностью, что Лизе враз стало плохо. Ее вырвало на свои же руки. Но Аня была рядом. Каким-то чудом ей удалось достроить заборчик, выхватить из рук сестры карандашик и воткнуть в пол.

Они еще тут, в кирпичном лазе, но впереди никого не было. Антоша исчез, остался по ту сторону цветного частокола. У Лизы текли слезы, она была совершенно разбита.

– Ничего без меня сделать не можешь, – грустно произнесла сестра. Она никогда не ругалась и не кричала. Лишь тихо сообщала факты.

Аня двинулась назад. Обе сестры промокли. Их словно залило волной прибое, настолько они вымокли. Аня вылезла, Лиза шла следом, смывая с рук кусочки завтрака. Впереди еще

объяснение с родителями и наверняка они не многое поймут. Разумеется, отец хорошо их подготовил, но долгое время они будут думать, что девочки сумасшедшие. Всем сначала сложно поверить.

Лиза развернулась под кроватью, чтобы выползти как человек, а не каракатица, и это оказалось ошибкой. Никогда не поворачивайся здесь спиной! Не теряй из виду путь во Тьму.

Ее ногу схватила чья-то ледяная рука, Лиза закричала, пытаясь найти, за что удержаться. Она зацепила покрывало, и то потащилось вместе с ней обратно. Аня прыгнула, стукнувшись головой о дно кровати. Лиза успела подумать даже о синяке, который заработала Аня, пока ее тащили назад, лицом в воду.

Аня держала сестру за руку, что-то за ногу, и Лиза растянулась, словно русский князь, пойманный монгольским ханом, меж конями. Она бросила взгляд назад и остолбенела. На нее с ужасом смотрел маленький мальчик. Он был в ужасном состоянии, но Лиза не обращала внимание на спутавшиеся волосы и кожу с голубым отливом. Она смотрела на человеческие, карие глаза ребенка. Он отчаянно держался ручкой за ногу девушки, и было видно, как что-то жуткое удерживает его во мраке.

– Тащи нас!!

Аня изо всех сил упиралась в кровать, вытягивая их из лаза. Сантиметр за сантиметром они медленно показывались из-под сползшего покрывала с машинками. Ей удалось перехватить руку Антоши, они спешно стянули покрывало с пятнами крови с кровати и заткнули кирпичный лаз, протолкнув тряпку ногами. Мальчик распластался на полу и даже не смотрит в ту сторону – он вернулся с того света и имел право прилечь в тенечке.

Когда покрывало полностью исчезло в кирпичном лазе, холод пропал, словно кто-то переключил сплит-систему. Ткань дальше не лезла. Они вытащили ее, за ней – обычная стена в голубых обоях. Проход исчез.

В комнату уже ворвался отец: очки сидят криво, черные волосы всклокочены. Он помог им вылезти из-под кровати.

– Ну и ну, – он оглядел их мокрую одежду. – Вижу, вам пришлось попотеть.

Они втроем абсолютно мокрые и вымотанные, сидели на полу и хмуро смотрели на отца. Чего сейчас им не хочется, так это папиных шуток.

– Лучше сделай нам кофе. Мне со сливками и сахаром, Ане сладкий черный. Да ты и сам помнишь, – сказала ему Лиза. – Антоша, ты кофе любишь?

Мальчик хорошо справлялся, щеки порозовели и ему хватило сил кивнуть.

– Сделай ему с молоком, окей?

– Будет сделано, барышни. Бегом умываться, от вас несет, как от сантехников.

Отец удалился на кухню, а они помогли встать Антоше и побрели в ванную комнату. По пути Аня скинула с себя парик и шикарные черные волосы остались у нее в руках. Антоша посмотрел на нее, но от усталости даже не удивился. Он искал глазами маму.

Темно-каштановые волосы Лизы, пусть и грязные, никуда не делись. В тринадцать лет ее сестра лишилась половины волос после чудовищного кошмара, который не давал девочке проснуться почти сутки. Ане пришлось побриться и с тех пор она не давала отрасти волосам. Когда-нибудь они расскажут и эту историю, но сейчас уже поздно.

На кухне отец заваривал кофе и напевал что-то себе под нос.

Глава 2. Круги на воде

Коленки ее слегка пухлых ног выглядывали из воды, окруженные островками плавающей пены. Справа от ванны на стуле расположилась бутылка белого вина. Пока матери не было дома, она позволила себе алкоголь. Вода журчала, наполняя ванну. Длинные русые волосы, намочив, облепили плечи Тани. Кончики их плавали в воде. Она расслабилась, закрыла глаза и откинула голову на край ванны. Лицо намазано маской от прыщей, полбутылки вина выпито. Она размышляла о школе и об этой мерзкой Скопинцевой, что заставила ее глотать слезы перед классом. Ничего, эта сучка еще попляшет! Никто не может безнаказанно подставлять Татьяну Морозову. Даже такая стерва, как Скопинцева.

Их конфликт давно прошел стадию роста, и теперь это взаимная всепоглощающая ненависть. Все началось с бывшего парня Саши Скопинцевой, который понравился Тане. И они почти договорились о свидании, как вдруг вмешалась Саша и отбила парня себе обратно. Потом одно за другое, и вот уже мокрая грязная тряпка для доски летит в голову Тане под крик: «Получай, тварь!».

Кулак девушки сжался, и она ударила им по воде, заливая ею пол. Что Скопинцева о себе возомнила? Что она лучше всех? Что ей можно плевать на чувства других людей?

– Какая холодная! – вздрогнув, произнесла Таня и открыла глаза.

Но из крана вода больше не лилась. Она кончилась так внезапно, что Таня даже и не заметила. Ни капли. Между тем, вода в ванной стремительно остывала, вопреки законам физики.

– Что происходит?

Спустя пару секунд вода остыла окончательно, и Таня покрылась гусиной кожей. Попыталась сесть, но не смогла. Что-то удерживало ее под водой. Девочка уперлась ногами, но они внезапно не нашли опоры, и Таня провалилась в ванну по горло. Или это уже не было ванной?

Девочка уцепилась руками за ее края и попыталась подтянуться. Ей удалось поднять одну ногу и положить на бортик ванной, но поднять вторую у нее не хватало сил. Руки скользили. Внезапно что-то схватило ее за пятку и резко дернуло вниз. Таня закричала, но крик захлебнулся в мыльной воде. Девочка вновь показалась над водой и правой рукой схватилась за стул возле ванной. Однако он покосился в ее сторону, бутылка с вином опрокинулась и нырнула в ванну. Что-то жутко холодное хватало ее ноги, все выше и выше, добралось до ребер и опутало грудь, нестерпимо больно стискивая в жутких объятиях. Таня продолжала кричать, но ее голос постепенно затихал. В конце концов она захрипела, намыленная рука соскользнула, и нечто утащило ее вниз. На воде некоторое время расходились круги, а потом у ванны появилось дно. Девочки внутри больше не было.

* **

– Осторожно, ты мне брюки оттопчешь! – Лиза закричала Ане, чтобы она не вертелась перед зеркалом, пока та надевает свой новый костюм. Спасибо матери Антоши, что неплохо заплатила отцу. Обычно девочки не приводят детей с того света и платить им, по большому счету, не за что. Но тогда случай был особый. Хотя Аня все высказала сестре по поводу ее промашки: нельзя было выпускать проход из поля зрения.

Аня вертится возле зеркала, разглядывая новую юбку. Естественно, черного цвета. Пристрастие Ани к черному цвету уже не волнует родственников так сильно, как когда ей было восемь. Согласитесь, готика немногим к лицу, но когда у тебя такая бледная кожа и ты носишь длинные черные волосы, то темный макияж и покрашенные черным лаком ногти лишь подчеркивают образ, устаревший лет десять назад.

– Девочки, я вас уже десять минут жду! – отец раздраженно закричал из коридора. – Поторапливайтесь!

– Это все Аня, – наябедничала Лиза. – Не дает к зеркалу подойти.

Сестра пнула ее по голени и вышла из комнаты. Лиза разгладила руками пиджак на своей далеко не осиной талии, поправила прическу и удовлетворенно хмыкнула. Выглядит неплохо, даже лишние килограммы придают ей в этом костюме некую *весомость*.

Папа потащил их на очередную премьеру в театр. Из всех видов развлечений, вторым после алкоголя у него шел именно он. Несмотря на то, что мама, как он говорил, ненавидела театр и смотрела исключительно кино, отец каждые две недели брал дочерей на сомнительные постановки. В этот раз в театре была премьера главного режиссера захолустного города Зареченска Петра Бобровского «Институт тщеславия». Папа неплохо знал режиссера, поэтому, как только они зашли в фойе, тут же бросил семью и отправился за кулисы. Девушки стали осматриваться в поисках чего-нибудь или кого-нибудь, что поможет скоротать пятнадцать минут до начала пьесы.

«Кого-нибудь» сидел на диванчике в буфете театра и жевал бутерброд. Паша Бобровский, сын режиссера Бобровского и по совместительству одноклассник Комор-старшей. Лиза с размаху села напротив него, так, что он подавился и в изумлении вытащил из ушей наушники. Аня встала рядом.

– Уши не затыкай, пропустишь премьеру года.

– Не поверишь, я видел ее уже четыре раза, – Паша проглотил остатки бутерброда, скрывшегося за его пухлыми щеками. – Пришлось сидеть на всех последних репетициях. Отцу важно мое мнение.

– У тебя по литературе тройка в прошлой четверти была, – усмехнулась Лиза. – Куда тебе пьесы оценивать.

Паша пожал плечами.

– Я оцениваю их не как художественный критик, а как сын, который пойдет по стопам отца.

– Еще пару лет, и он возьмет тебя младшим осветителем, – продолжала издеваться Лиза. Аня слегка сжала пальцы на ее плече.

– Как дела, Аня? – перевел тему разнервничавшийся Паша.

– Все по-старому, – сестра склонила голову налево. – А твои?

– Думаю, куда поступать после школы. В нашем городе оставаться не резон.

– Конечно, месье Бобровский устремится в столицу, покорять тамошние театральные подмостки своим неповторимым обаянием местного Джоны Хилла, – подразнила его Лиза.

– Вообще-то, у него номинация на Оскар есть. И к тому же, я слышал второй звонок – пора занимать места.

По мнению Лизы, спектакль получился средним. За студенткой охотились трое похотливых молодых людей, одному из которых, если верить Бобровскому, севшему рядом с семейкой Комор, недавно стукнуло тридцать пять лет. Судя по тому, как смотрел на девушку Бобровский, он был безнадежно влюблен в актрису. Лиза поняла, почему он уже видел этот спектакль четыре раза и что советы отцу тут совершенно ни при чем.

Пожилой профессор археологии тоже испытывал к юной красавице чувства и по очереди похоронил двоих Ромео, попутно защищая докторскую диссертацию. На сцене закапывания студентов в сырую землю пригородного кладбища Аня, проведшая весь спектакль в наушниках, заплотировала – это был единственный впечатливший ее момент сегодняшнего вечера. Паша неприязненно взглянул на нее, недовольный тем, что все сразу обратили на них внимание.

Внезапно со сцены раздались громкие выстрелы. Лиза слегка вздрогнула и уставилась на происходящее – последний оставшийся в живых студент застрелил пожилого профес-

сора-маньяка из пистолета и теперь намеревался воссоединиться со своей любовью. Все, начались сопли, – подумала она и оглянулась на Аню. Сестра еще слушала музыку в наушниках, откинувшись на спинку кресла. Лиза глянула налево, где сидел Паша. Но его кресло оказалось пустым. Она внимательно обшарила глазами ряд до выхода, но толстяка и след простыл. Отец, перегнувшись через Аню, зашикал на Лизу, чтобы дочь не вертелась.

Странно, Бобровский не мог не досмотреть спектакль, это совершенно на него не похоже. Лиза ткнула сестру в бок и показала ей пустое кресло Паши. Аня пожала плечами, но Лиза заметила, что сестра немного напряглась и тоже скользнула взглядом по пустым креслам.

Через десять минут постановка закончилась, и зрители встали с мест, чтобы поаплодировать маленькому и пузатому Петру Бобровскому, выскочившему на сцену, едва задвинулись шторы за актерами. Пользуясь моментом, пока папа махал руками, Лиза встала с места и отправилась искать Бобровского-младшего.

В фойе было пустынно. Девочка прошла до самого конца, завернула за угол и очутилась в плохо освещенном коридоре, ведущем к туалетам. Одна лампочка наверху не горела, другая тускло освещала надпись: «Служебный» и бросала отблеск на «Женский». Мужская комната напротив них тонула в сумраке. Лиза дошла до двери и тихонько приоткрыла ее. Комната с рукомойниками оказалась пуста.

– Пашка, ты тут?

Ей никто не ответил. Судя по тишине, тут никого не было. Лиза хотела прикрыть дверь и удалиться, пока ее никто не высмеял, как в глубине туалета кто-то с шумом спустил воду.

– Пашка, ты там?

Вот же глупо. Какой-то толстяк вышел за пять минут до конца спектакля в туалет, а она тут же помчалась за ним. И что только Бобровский подумает?

Однако из туалета никто не выходил.

– Бобровский, ты там или нет? Ответить, что ли, не можешь?

Тишина. Лиза зашла в туалет и прислушалась.

– Бобровский, мля! Ты там или не там?

С великой осторожностью Лиза заглянула за угол, словно там ее поджидал снайпер, а не унитаза. Никого. Только ряд бледно-зеленых кабинок, одна из которых, самая последняя, была приоткрыта. Девушка прокралась к ней и заглянула внутрь. Никого. Собравшись уходить, она бросила взгляд вниз и застыла.

На полу лежала серая туфля Бобровского.

В растерянности девушка вышла из туалета, закрыла за собой дверь, повернулась и вскрикнула. В темноте кто-то шагнул к ней.

– Аня! Дура!

Сестра улыбнулась.

– Ну и нервы у тебя стали. Людей уже пугаешься.

– Станешь тут нервной, с этими пузатыми Гудини.

– Ты про кого? – не поняла Аня.

– В кабинке нашла туфлю Бобровского. И все.

– Что значит нашла туфлю? А все остальное где?

Лиза усмехнулась:

– Кабы я знала! Только туфля лежала и все. Но когда я туда только зашла, там точно кто-то был. Вода же сама по себе не спустится, так? Кто-то ее спустил, а потом исчез.

Аня поморщилась:

– Я скорее поверю в сломанный водопровод, чем в то, что кто-то с размерами Бобровского мог смыть себя в унитаз.

– Может быть, он сломан не так, как ты себе это представляешь.

– У тебя есть его номер? Ты можешь ему позвонить.

Лиза достала телефон и принялась искать Бобровского в списке контактов. Набрала номер и услышала длинные гудки. Никто не брал трубку.

– Это странно, – произнесла Аня.

Девушки вышли из коридора в фойе и остановились возле буфета. Там их догнал отец.

– Только не врите мне, что побежали в буфет. Знаю я ваши аппетиты. Неужели все было так плохо?

– Мне понравилось, – заметила Аня. Она каждый раз так говорила, хоть и не запомнила ни один из спектаклей. Лиза неопределенно пожала плечами. Отец ткнула пальцем в Аню.

– А ей понравилось! – сказал он. – А тебе опять все не так.

«Надо было согласиться с Аней», – подумала та.

– Так куда вы бегали?

– Я Пашку искала. Ушел куда-то и пропал.

Отец нахмурил брови.

– Он же за кулисы пошел сразу, нет? К отцу.

Аня взглянула на сестру, и та почувствовала себя душой. Ну конечно, пойти поздравить отца с успехом – самая разумная идея. Мы развернулись в сторону служебного коридора, откуда должны были выйти артисты, и заметили бегущего к нам Бобровского-старшего.

– Как вам, господа? По-моему, это успех!

Папа пожал ему руку и улыбнулся.

– Ты превзошел сам себя, Петь. Надеюсь, образ старика-археолога ты списал с нашего преподавателя по истории. Я до сих пор его помню.

– Так откуда, ты думаешь, я такую сволочь взял? – рассмеялся Бобровский. – Только чур не выдавать тайну творца, девочки!

Сестры покачали головой и заверили мэтра, что даже под пыткой не скажут, какие комплексы он сублимировал в своем спектакле. Между тем Бобровский взглядом окинул фойе.

– Я думал, мой сын подойдет ко мне первый. Но нет, первой была моя бывшая жена. Ей не понравилось, – добавил он несколько рассерженно.

Девушки переглянулись. Куда же исчез Бобровский?

– Дочери говорят, что он вышел куда-то до конца спектакля. Вы звонить ему пробовали?

– Он трубку не берет, – ответила Лиза.

Бобровский растерянно посмотрел на Комора-старшего.

– Куда же он делся тогда?

– Может быть, в машине сидит? Пойдем, проверим.

Но в «сузуки» его не оказалось. Они оглядели улицу, но никаких признаков Паши Бобровского не заметили. Театральный режиссер вместе с отцом пошел узнавать про сына на вахту, а сестры пошли к семейному автомобилю. Потрепанный «форд» десятилетней давности стоял неподалеку от автомобиля Бобровских. Лиза достала телефон и еще раз набрала номер Пашки. Все те же длинные гудки. Что это значит?

Между тем, день клонился к закату. Вокруг сновали люди в костюмах, спешащие из центра города к себе домой. Невдалеке на остановке вещала реклама, предлагая голосом Карлсона купить новые обои.

Вскоре вернулся отец.

– Ничего. Исчез, – ответил он, не дожидаясь вопросов. – Поехали домой.

По пути Лиза захотела есть, и семья заехала купить пиццу. Она всегда любила такие перекусы, потому что знала: сестра съест полкуска и успокоится, отец за рулем, а вся еда достанется ей. Не то чтобы она была жирной и ела все подряд, дома Аня держала всю семью в строгой диете, поэтому в пути Лиза старалась отрываться как могла. В результате, когда они доехали, полпиццы старшей сестре удалось умять практически в одиночку: Аня съела один кусочек.

Икая, Лиза выбралась с коробкой из автомобиля и пошла к подъезду. Отец остался возле машины, а Аня двинулась за сестрой.

Дома Лиза опять опоздала в ванную и с досады ударила по двери. Из-за нее раздался смех сестры. Позже, умывшись сама, Лиза зашла в общую с сестрой комнату. Та сидела за ноутбуком и быстро щелкала по клавиатуре. Заглянув Ане через плечо, Лиза увидела общий чат для их одноклассников.

– Ты в курсе про Таню Морозову? – спросила Аня.

– А что?

– С ней что-то случилось.

Лиза махнула рукой и направилась к своей кровати, где лежал ее ноутбук.

– Залетела что ли? Да вроде она не из таких.

– Нет, она не залетела, – Аня посмотрела на сестру. – Она пропала.

* **

Лиза мазала себе лицо маской для жирной кожи и перебирала в голове различные теории об исчезновении двоих своих одноклассников. «Ну ладно, Бобровский мог убежать из театра пока шел спектакль, я ведь не сразу пошла за ним. Только почему его туфля лежала в туалете, где кто-то спустил воду? С чего я решила, что это его туфля? Мало ли кто их носит, размер Бобровского я ведь не знаю. Но как из закрытой ванны могла исчезнуть Морозова? Следователь сказал ее матери, что следов взлома нет ни на одной двери. Все полотенца были сухими, никто ими не вытирался. Вся одежда осталась на стиральной машинке, новой она не брала. Куда она могла деться гольшом, вся в мыльной пене? Вот уж загадка так загадка».

Лиза глянула на сливное отверстие душа и на всякий случай отошла от него подальше.

– Бред, – сказала она себе. Интересно, возможно ли будет посмотреть на ванну в квартире Морозовых? Пустят ли их туда? Лизе пришла в голову мысль, что это не просто исчезновение. Кто знает, чем эти Морозовы занимались. Вряд ли у них под ванной пентаграмма начерчена, но, если там действительно что-то есть по их части, сестры сразу почувствуют. Спасибо папочке.

Завернувшись в полотенце апельсинового цвета (Аня предпочитала только белые, что удивительно для тех, кто знает, во что она любит одеваться), Лиза вышла из ванной. Услышав шаги, Аня прошмыгнула мимо сестры, мгновенно защелкнув дверь.

– Дай хоть расческу забрать! – крикнула Лиза и ударила по двери ладонью. Безуспешно, в ванной уже зажурчала вода.

В комнате отца было темно. Он уже лег спать? Но на кухне горел свет. Он сидел за столом: галстук развязан и висит на шее, но пиджак не снят. На столе бутылка коньяка, рядом пустой стакан. Отец мрачно смотрел в окно, за которым горели огни окрестных многоэтажек.

– Ты в порядке, пап? – Лизу начало тревожить его поникшее состояние.

– Да, вполне, – кивнул он, не отрывая взглядом от стоявшей на столе бутылки.

– Так... зачем это? – кивнула дочка на раскинувшийся возле него минибар.

– А, это, – ожил папа. – Это так, снять напряжение. Устал сегодня.

– Ты же вроде в театре чувствовал себя нормально?

При слове театр папа вздрогнул. Некоторое время он молчал.

– Петр сказал, что Паша не вернулся домой вечером.

– То есть как? – ошеломленно спросила Лиза. – А куда он делся?

Папа пожал плечами и решительным движением открыл бутылку, плеснул себе в стакан, и отпил.

– Пропал и все. Ни записки, ни звонка. Вышел со спектакля и испарился.

– Телефон не отвечает?

– Я же сказал! – рявкнул он, и Лиза вздрогнула. – Пропал, засранец, как в воду канул!

– Как в воду канул... – повторила та.

– За вами нужен глаз да глаз! Чуть что, сразу сбегаете, как коровы без привязи. И чего вам только не хватает?

– Может, двоих родителей, – все так же шепотом заметила Лиза, вспомнив, что и у Паши Бобровского отец, разведенный трижды, воспитывал сына в одиночку.

– Что ты говоришь? Громче, я не слышу!

– Ничего, – ответила Лиза.

– Осуждаешь меня? Считаешь, я опять взялся за старое?

– Я ничего такого не говорила, – оскорбленный тон дочери еще больше задел его.

– Или ты думаешь, что я безалаберный отец, который не может уследить за своими детьми?!

– Да с чего ты это взял-то? Я ни слова об этом не говорила. Устал, так сиди один, нечего на меня орать.

– Да, вы необычные девочки, – нисколько не сбавил тон отец. – И я понимаю, что за вами нужно особо следить. И я не всегда могу это сделать, и не всегда оказываюсь рядом. Но я стараюсь! Хочешь сказать, я не стараюсь?

– Стараешься, – сказала Лиза тихо, глядя в пол. Лишь бы он успокоился, пока Аня не вышла из душа. Ее всегда расстраивают вспышки гнева отца. – Прости пап. Я ничего не хотела такого сказать.

Ее «прости» подействовало на него. Папа некоторое время смотрел на поверхность стола, а потом сказал тихо-тихо.

– Я знаю, вы считаете меня чудовищем. Может быть, вы не признаетесь, но я знаю, в глубине души вы ненавидите меня за то, что я сделал. И я не могу винить вас в этом, – отец отпил из стакана последний глоток и тихонько поставил его на стол рядом с бутылкой. Он потер шею и уставился куда-то вниз, на свои колени. Дочь глядела на него и не могла сказать ни слова. В ванне, где плескалась Аня, шумела вода. Папа с шумом вздохнул.

– Все, что я делал в жизни – пытался сохранить то немногое, что мне было дано. Потратил вагон времени на это. Что ж, старость на то и старость, чтобы избавлять от любых иллюзий.

– Что ты имеешь в виду? – спросила Лиза.

Отец поднял голову и посмотрел на нее.

– Почему люди уходят и оставляют нас одних? Что, им от этого лучше? Нам лучше? Кому? И если никому – почему так случается?

Лиза чувствовала, что ответа на этот вопрос он ждет не от нее. На лицо папы вернулось привычное выражение отеческой заботы.

– Как погуляли, дочь?

– Неплохо. Скучно немного.

– Хорошо, – кивнул папа. – Давайте заканчивайте с душем и в постель. А я, пожалуй, посижу тут еще.

Он взял бутылку и плеснул себе в стакан еще немного. Лиза отвернулась и пошла переодеваться. Когда они с сестрой закрыли дверь и легли в постель, папа все еще сидел на стуле, держа в руке недопитый стакан.

Лиза внезапно вспомнила, что про туфлю Бобровского никому, кроме Ани, не сказала.

Глава 3. Квартира Морозовой

Мяч упал в корзину. С глухим стуком он ударился о деревянный пол школьного спортзала и отскочил в руки защитнику команды красных.

Красные проигрывали шесть – один. Они так неловко забили единственный мяч, что учитель физкультуры сначала решил не засчитывать его, но потом подумал, что одно очко лучше, чем ничего. Шесть забитых голов в команде синих принадлежали двоим: капитану команды Антону, на чьем счету было два мяча, и Игорю, чья неутомимая энергия позволяла школе третий год подряд быть чемпионами города по волейболу и баскетболу.

Тем временем Игорь забил еще один мяч. А красные ничего не могли с ним поделать, лишь толпились возле кольца, стараясь уберечь его от нападающего синих. Но даже пять мальчишек в защите не могли спасти их от сокрушительного поражения.

Лиза вытянула ноги и зевнула. В другой части спортзала девчонки крутили обруч, а она никогда не была любительницей спорта. За исключением бега. Но сегодняшнее занятие было внутри школы, поэтому ей оставалось лишь тоскливо смотреть в сторону стадиона, залитого дождем, и наблюдать за монстром-Игорем, прорывавшим оборону красных раз за разом.

Седьмой мяч залетел в корзину, и парни расслабились. Обычно они играют четверо на четверо, но сегодня тренер дал фору противникам Игоря Бровина. В его команде было лишь трое. Последним должен был стать Бобровский, но его сегодня не было в школе.

Не было еще старосты. Танька Морозова, недавно расплакавшаяся на перемене из-за того, что не поделила обязанности на классном часе со своей заместительницей Сашкой Скопинцевой. Дело дошло до метания воняющих тряпок, и Ольге Алексеевне, классной руководительнице, пришлось разнимать двух сцепившихся отличниц с помощью Игоря и Пашки.

Бровин и Бобровский – два лучших друга. Очень странное сочетание – сын известного в городе театрального режиссера и будущий великий спортсмен. Что их объединяло? Страсть к компьютерным играм? Явно не спорт. Пузатый Бобровский даже на велосипед косился с сомнением. И не театр. Бровин мог, конечно, таскать декорации для школьных спектаклей, но как только он выходил на сцену, Игоря впадал в ступор. Он замирал и моргал глазами.

Лиза могла бы уже давно уйти переодеваться, но ей надо было выяснить, когда Бровин видел Бобровского в последний раз, и связывался ли он с ним со вчерашнего вечера.

– Нет, не связывался, – сказал Игорь двадцатью минутами позже, выходя из раздевалки. Девушка последовала за ним.

– Вы же постоянно переписываетесь, неужели ни одного сообщения со вчерашнего дня?

– Ни одного, – ответил спортсмен.

– И тебя это нисколько не волнует? – спросила Лиза с подозрением.

– Слушай, Комор. У меня скоро соревнования, поэтому времени на интернет реально нет, – нахмурился Игорь, останавливаясь рядом со ней. – Я писал ему вчера что-то, но он мне до сих пор не ответил. Заболел, может. Или заигрался во что-нибудь. Почему бы тебе самой ему не позвонить?

– Он не отвечает. С тех пор как мы вчера были с ним в театре...

– Ты была с Бобровским в театре? – послышался ехидный голос позади Лизы. Скопинцева с улыбкой прошла мимо них. – Вчера что, Дракулу показывали, или Франкенштейна? Подумать только, охотница за привидениями и местный Гамлет. Та еще парочка!

Пока Лиза Комор думала, что бы такое поселить в ее зеркале, чтобы она, встав поутру, поседела, Игорь ушел. Лиза махнула вслед рукой.

– Если позвонит, дай мне знать!

Юный баскетболист пожал плечами, но не обернулся.

Ольга Алексеевна покачала головой, оглядев свой класс. Из четырнадцати человек на уроке литературы отсутствовало трое. Вечно болеющая Аня Совина позвонила ей сегодня утром и сообщила, что серьезно больна и не иначе, как прямо сейчас, направляется в больницу на всестороннее обследование. Это было в порядке вещей, и классный руководитель не стала заострять на этом внимание. Она придерживалась мнения, что детям необходима свобода, чтобы научиться отвечать за свои поступки. Не принесет справку – ответит перед директором. Бобровский наверняка спит, эта творческая натура часто не спит до утра. Может прийти и на третий урок, а может прогулять день вовсе. Тогда прибежит его отец, зацелует Ольгу Алексеевну, и рассыплется в извинениях. Учительница недолюбливала Бобровского-старшего за такой липкий характер, однако в обходительности ему нельзя было отказать. Быть может поэтому ИА так часто ходил всем скопом в театр, несмотря на усиленную подготовку к выпускным экзаменам.

А вот отсутствие старосты класса, Морозовой, ее настораживало. За год случилось не более трех дней, когда Морозовой не было в школе. Даже с температурой она приходила в класс и отчаянно чихала на первой парте, выбегая иногда, чтобы прочистить горло. Наверное, сейчас один из этих трех дней.

– Кто-нибудь связывался с Морозовой? Она заболела?

Класс молчал. Наконец, подняла голову Инна – румяная троечница, чей папа владел сетью городских кафе.

– Я вчера звонила ей вечером, но она не ответила. А домашний я не знаю.

– А в интернете она была?

Класс полез за мобильниками, но Ольга Алексеевна пресекла это:

– Шапур, проверь, пожалуйста, когда она выходила в интернет.

Инна принялась копаться в телефоне.

– Вчера в шесть часов вечера.

Лиза задумалась. Это была за пару часов до того, как она потеряла след Бобровского. Вряд ли это было связано, просто два странных исчезновения за один день. Взрослые одиннадцатиклассники так не пропадают. Это вам не семилетние мальчишки со свечкой и маминым зеркальцем.

– На звонки она не отвечает, – продолжила Ольга Алексеевна. – Нужен человек, который сходит к ней домой и узнает, в чем дело.

Лиза сразу втянула голову в плечи и постаралась стать как можно меньше. Несколько человек последовали ее примеру, в том числе и замстаросты Скопинцева. Разумеется, еще до того, как учительница произнесла имя, та поняла, кого она назовет.

– Саша, ты как заместитель Тани, должна узнать, где наша староста.

– Можно не я, Ольга Алексеевна? Я сегодня ногу неудачно подвернула на лестнице.

Но классный руководитель была непреклонна.

– Когда ты заходила сегодня утром в кабинет, никакой хромоты не было. На случай, если ты столкнешься с трудностями по дороге, с тобой пойдет Инна. Вперед, девочки! – жизнерадостно закончила Ольга Алексеевна.

Телефон в кармане Лизы завибрировал. Пришло сообщение от Ани: «Надо поговорить». Подождав, пока Скопинцева с Шапур уйдут, Лиза отпросилась в туалет.

Аня сидела на подоконнике, подложив под себя учебник геометрии.

– Что случилось?

Аня протянула ей смартфон, и она взглянула на экран. Это была веб-страница городского сайта «Зареченск.Ру». В разделе «Срочные новости» висела фотография Петра Бобровского рядом с тревожной надписью: «Пропал сын известного театрального режиссера». В заметке под заголовком было написано, что Павел исчез вчера вечером после спектакля и сегодня до полудня от него так и не поступило никаких вестей. Бобровский-старший обратился к сайту,

чтобы люди, знающие что-либо о местонахождении Паши, сообщили информацию режиссеру по такому-то телефону.

– Ты хочешь, чтобы я рассказала о том, что видела редакции? Или сразу пошла в полицию?

– Мы должны что-то сделать, – ответила Аня. – В конце концов, мы последние, кто его видел.

– Но у нас нет никакой информации, – развела Лиза руками.

– А туфля?

– Что туфля? Ты думаешь, она все там же? Может ее уже давно нашли уборщики и выбросили.

– Ты должна сказать, что видела его туфлю перед самым исчезновением.

Лиза фыркнула:

– Мне что, так и сказать полицейским, что девяностокилограммовый мальчик исчез из кабинки туалета? Ты хочешь, чтобы меня саму посадили как подозреваемую?

– Конечно, он не исчез просто так. Ему явно помогли, – сказала Аня. Лиза сдвинула брови.

– Думаешь, его похитили? Но там же никого не было! Никто не входил и не выходил после того, как мы туда зашли.

– Возможно, это сделал кто-то из своих. Возможно, мы проглядели служебный вход или что-то в этом роде. Надо сходить туда и все проверить.

– Ты забываешь, что мы не частные детективы, – покачала старшая сестра головой. – Мы не расследуем похищение пузатых одиннадцатиклассников. У нас немного другая задача.

– Наша задача – выяснить, что стало с твоим одноклассником, – Аня ткнула в сестру пальцем. – А ты даже не хочешь пошевелиться ради знакомого тебе человека.

Лиза уставилась на сестру. В какой момент они поменялись ролями? Когда стало так, что это она ее толкает на действия, а Лиза тормозит, просчитывая возможные последствия? Все должно быть наоборот.

– Ты слишком устала, – сказала Аня. – Я понимаю это. Проникновение в последний раз далось нам нелегко.

– Да все нормально, – Лиза махнула в ее сторону рукой. – Жизнь только стала более-менее обычной, как ты вдруг решила втянуть нас еще куда-то, – Лиза говорила это и не узнавала сама себя. Когда она успела стать такой равнодушной?

– Очнись! – Аня щелкнула передо мной пальцами. – Это «куда-то» – твой одноклассник, с которым, возможно, случилось что-то серьезное.

– Перестань! Парень сбежал из дома, а ты стараешься превратить это в преступление века! Зачем?

– Я поняла. Ты не хочешь браться за это, потому что тебе не заплатили.

– Что?! – Лиза была так удивлена, что не смогла больше и слова сказать.

– Ты привыкла получать за расследования деньги. А когда тебе надо сделать что-то бесплатно, пальцем о палец не можешь ударить.

– Да как ты вообще подумала об этом? – возмутилась Лиза. – Разумеется, дело не в деньгах!

– А мне кажется, все дело именно в этом, – безжалостно произнесла Аня. – В этом, и больше ни в чем. Я думала, что моя сестра делает это ради других людей, а не нового телефона.

Она развернулась на каблуках и направилась к двери. Лиза хмуро смотрела ей вслед. Если бы рядом было что-то не слишком тяжелое, то она бы точно запустила Ане вслед.

Аня тронула дверь, но открывать не стала. Вместо этого она прислонила ухо и замерла.

Лиза скрестила руки на груди. Аня, не глядя на нее, поманила пальцем.

– Хм, – сказала та, но из интереса подошла. В коридоре раздавались чьи-то голоса, слов разобрать девушки не могли. Говорили мужчина и женщина, голос которой выдавал чрезвычайное волнение. Мужчина напротив, был спокоен. Когда люди подошли ближе, то девочки смогли различить голос Ольги Алексеевны. Мужчиной оказался директор школы, Владимир Иосифович.

– Что вы подразумеваете под «делать»? – спросил он у классной руководительницы.

– Принимать какие-нибудь решения, может, сотрудничать с полицией, усилить меры безопасности!

– Мы делаем все, что в наших силах, – успокаивал ее директор. – Все перепроверим. Но вы же понимаете, что мы не ответственны за учеников вне школы. Татьяна Морозова пропала из закрытой изнутри квартиры в выходной день. Что мы тут можем сделать?

Лиза посмотрела на черноволосый затылок Ани. Сестра не выразила никакого удивления, продолжая слушать. Голоса постепенно стихали, директор с учительницей шли в сторону от туалета – к учительской.

– Что касается Павла Бобровского, то он исчез из здания, наполненного людьми. И чтобы с ним не случилось, мы за это ответственности не несем.

– Но они же мои ученики! Двое пропали за один день! Что теперь мне делать? – спрашивала Ольга Алексеевна.

– Перестать так сильно нервничать, как минимум. Еще бы хорошо постараться как можно меньше говорить о случившемся, чтобы не породить беспочвенные слухи. Вы понимаете меня, Ольга Алексеевна?

– Да...

– Для лучшего усвоения повторю: подробности исчезновений никто не должен знать. Для всей школы они на больничном. Зря вы послали двух девочек домой к Морозовой, надо было все сделать самой. Но я надеюсь, что вы поговорите с ними. Ведь так?

– Да, конечно, – согласилась женщина.

Дальше разбирать слова стало невозможно.

– Ты все еще хочешь остаться в стороне? – поинтересовалась Аня. – Бобровский пропал из туалета, вошел и не вышел. Морозова исчезла из закрытой квартиры. Ты не видишь тут сходства?

– Вижу. Но не хочешь же ты сказать, что они связаны?

– Я думаю, что мы не будем исключать это из возможных версий. После уроков встречаемся у входа и идем к Морозовой.

Все, что могла сказать Скопинцева – то, что мама Тани Морозовой ужасно переживает и нет никаких убедительных версий произошедшего. Полиция за это дело еще не бралась, не прошло положенных трех суток. Однако, кое-какие факты из обсуждения девочек на перемене Лиза удалось подтвердить. Первое: Морозова мылась в ванной. Второе: ванная комната была заперта изнутри. Если Таня зашла в эту комнату, то обратно она точно не выходила. Лизе не хотелось сопоставлять это с Пашей, но было очевидно: оба пропали в ваннах комнатах.

Ольга Алексеевна предупредила весь класс, что Татьяна Морозова на больничном и расспрашивать о ней не стоит. Скопинцева подняла было руку, но учительница строго заметила, что в школе должен соблюдаться порядок. А для этого они все должны придерживаться официальной версии – Морозова болеет.

Морозовы жили в панельном девятиэтажном доме в двух кварталах от школы. Двор был полон машин, одинокие железные качели, покрытые облупившейся краской, еле слышно скрипели на легком ветру. Сестры подошли к подъезду и позвонили в домофон. С опозданием Лиза поняла, что приветственную речь не приготовила.

Домофон долгое время не отвечал, потом девушки услышали тихий голос женщины.

– Да?

– Здравствуйте, мы одноклассники Тани. Нас послали узнать, все ли у вас в порядке, – без запинки доложила Аня. В ее голосе я даже услышала нотки типичной отличницы, которой она никогда не была.

– Мне кажется, хватит посетителей для одного дня.

– Простите, но мы совсем ненадолго. Нас послала Ольга Алексеевна, сказала, что важно поддерживать друг друга в трудной ситуации. Таня была... то есть, она хорошая староста, всегда слушает нас. И мы волнуемся за нее.

Лиза поняла, что Аня еще долго может стоять так и болтать насчет всеобщей поддержки нуждающихся. Это поняла и мама Морозовой, домофон щелкнул, и дверь открылась.

– Она никогда не сбегала из дома, даже мысли такой не было, – сказала женщина. Они втроем сидели на кухне за чашками чая. Лиза разок отпила, но поморщилась, черный чай – это не ее. Аня преспокойно хлебала из кружки, а мама Морозовой даже не притронулась. – Столько лет все было нормально и вот сейчас... Что с ней, девочки?

– У нее случился конфликт в школе, – сказала Аня. – Но не думаю, что он стоил того, чтобы убегать из дома.

– Тогда в чем причина? Я смотрела ее дневник, там одни пятерки. Может, у нее был парень?

– Это уж вряд ли, – хмыкнула Лиза, а сестра скорчила рожу, глядя на нее. – Парня у нее точно не было. Возможно, кто-то помимо школы.

– Она два раза в неделю занималась английским.

– А где? – заинтересовалась я, но Аня тут же перевела тему.

– Может быть был конфликт с отцом?

– Папы у нее нет, – ответила Морозова. – Я растила Таню одна с рождения.

– И вы никогда... – осторожно начала я.

– Нет, – отрезала та. – Я не позволяю своей личной жизни влиять на Таню. Можно сказать, что ее у меня толком и...

– Мы понимаем, – кивнула Аня.

Морозова посмотрела в окно. Несколько секунд она, не отрываясь, глядела.

– Двери же были закрыты. И входная, и в ванную. Вода была с пеной. Вино она еще где-то достала...

– Вино? – удивилась я. – Она разве пила?

– Я понятия не имела, – отозвалась Морозова. – Никогда Таню не видела даже с шампанским. Видимо, скрывала.

– Что же еще она скрывала, – пробурчала под нос Аня.

– А полицейские попросили перезвонить через двое суток! – резко сказала мама Морозовой. – Сутки им мало. Она же может быть где угодно! Что теперь делать?

– Мы будем узнавать у всех, у кого только можно, – завершила ее Лиза. – Возможно, кто-то и видел Таню. Кинем клич в сети.

– В сети – это правильно, – кивнула Морозова. – Попробуйте, девочки. Вы молодцы, не то, что первые две. Спросили и тут же убежали.

Лиза про себя усмехнулась. Маленькая, но радость. Хоть где-то они лучше.

– Вы нас тоже простите, нам пора, – заметила Лиза.

– Да, да, конечно. Давайте я вас провожу.

– Можно мне в ванную зайти? – спросила Аня. – Руки помыть?

– Конечно, конечно. Не обращайтесь внимания на бардак.

Пока сестра плескалась в ванной, я застегивала туфли. Взяв с тумбочки в коридоре сумку, я повернулась к двери, как вдруг услышала голос Ани.

– Лиза, ты мне не поможешь?

– Что-то случилось, Анечка? – спросила мама Морозовой. – Я могу помочь?

– Нет! Все в порядке. Лиза, зайди пожалуйста.

Тихо ругаясь, она опять стянула туфли и зашла в ванную. Светло-зеленый кафель и большое зеркало напротив входа. И тут Лизу бросило в холод. Девушка моментально покрылась мурашками, а руки ооченели. Аня стояла возле ванны и задумчиво смотрела вниз. Лицо у нее было ужасно бледным.

– Ты чувствуешь? – спросила она. – На месте Морозовой я бы немедленно собрала вещи и переехала. Хоть куда.

Шансов на счастливую жизнь тут не осталось. Эта комната была словно холодильник, внутри которого образовалась черная бездна. Сестры стояли на ее краю и заглядывали вниз. Тут ощущался даже ветер, идущий из глубины. Стараясь не прикасаться к бортику ванной, Лиза подошла к сестре.

– Чувствуешь Тьму, – шепотом произнесла она.

Аня кивнула.

– Но она не могла пройти на Ту сторону из этой ванной самостоятельно.

– И что ты думаешь?

– Это был прорыв с той стороны.

– Нет, – не поверила Лиза. За десять лет осознанного контакта с Тьмой Лиза никогда не встречала чего-то, что могло пройти с той стороны в реальность. Это было как поверить в привидения или вампиров. Нет никаких ужасных существ на той стороне, никаких монстров, вылезавших из водостока. Это же не «Секретные материалы».

– А на что это похоже? – посмотрела на нее Аня.

– Понятия не имею.

– То-то же. Вряд ли ты когда-нибудь видела что-то подобное, потому что я – нет. Погоди. Аня нагнулась и заглянула под ванну. Из коридора раздался голос Морозовой-старшей.

– Вы в порядке? Что-то случилось?

– Мы уже почти все! Выходим! – крикнула Лиза. Тут Аня потянула ее за рукав. Девушка села на корточки. Аня пошарила рукой под ванной, вытащила, и мы взглянули на ее пальцы.

– Это ржавчина? – наивно спросила Лиза.

Аня покачала головой. Та и сама поняла, что ванна керамическая, и никакой ржавчины тут быть не может.

Это была высохшая кровь.

Глава 4. Сила сопротивления

– Хватит радоваться, Скопинцева! А не то я вправду подумаю, что это ты пристукнула Морозову, чтобы самой стать старостой, – крикнула со своей парты Лиза. Саша искоса взглянула на Лизу своим запатентованным злым взглядом, и девочка поняла, что попала в цель: трудно не увидеть твои амбиции, когда ты тычешь ими в лицо окружающим.

– Серьезно? Вообще-то, это ты со своей сестрой – девочки из колодца. Откуда нам знать, что вы еще не двинулись со своими спиритическими штуками?

Лиза ненавидела, когда задевают ее сестру. Она приготовила для Скопинцевой новую едкую реплику, когда в класс зашел учитель физики. Петр Валерьевич не терпел никаких посторонних разговоров на своих уроках, и поклонялся бы музе дисциплины, если бы такая существовала. Хотя Лиза, почему-то, не испытывала к нему неприязни. Он ей нравился своей независимостью и непосредственностью. Физик был одним из тех учителей, которые всегда обдумывают решения, прежде чем поднять вместе со всеми руку на педсовете. Стадное чувство было не в его стиле, поэтому он и старался вылепить из безмозглой толпы учеников хоть некое подобие личностей.

Впрочем, одиннадцатый класс нельзя было назвать идеальным по успеваемости. Единственным, кто постоянно тянул руку на уроках физики был Стас Рябов, отличник в маленьких квадратных очках, фанат всех этих законов Вселенной, всемирного тяготения, опытов с электричеством и прочего. Лиза однажды видела, как девочка, чья мать затеяла ремонт в недавно купленной квартире, прошлась по вертикальной стене, а потом залезла в щель между кирпичами, поэтому ко всем этим неопровержимым доказательствам относилась с долей скепсиса. Не надо ворошить старые объявления о продаже. Если дешевую и просторную квартиру не могут продать пятый год, значит дело не только в надоедливых соседях. Возможно, стоит повнимательнее к ней приглядеться.

Класс откровенно зевал. Скопинцева и Шапур беззастенчиво рылись в телефонах, даже не притворяясь, что слушают. Аня Совина подперла голову ладонью и выводила на бумаге какие-то бессмысленные рисунки. Впрочем, так она делала на половине уроков, зарабатывая свою стабильную четверку и мечтая о... кто ее знает, о чем она думает.

Со всеми размышлениями Лиза совершенно забыла про классную работу, которую Петр Валерьевич задал в начале урока. Заметив, что девочка ловит ворон, он насмешливо посмотрел на нее.

– Комор, душка! Если тебе этот урок кажется скучным, то будь добра, используй свои знания по квантовой физике и построй мне машину времени, чтобы я смог вернуться в девяносто второй и отговорить самого себя стать учителем в этой дурацкой школе, лады? Я зачту это тебе за годовую контрольную.

– Нетушки, – отозвалась она. – Если хотите что-нибудь построить, попросите Рябова. Я стопроцентно уверена, что по вечерам ему нечем занять руки.

Несколько человек фыркнули в тетради, а физик покачал головой.

– Захотел поставить на халяву пятерку за год, а ученики отказываются. Что ж, ваше право, Лиза. Только помните, что вторых шансов я не даю.

– Предпочитаю справляться своими силами, – Лиза фальшиво улыбнулась и углубилась в конспект учебника, чтобы не дать физикау новых поводов для насмешек. Ее голова, однако, была занята совсем другим. Уже неделю как Морозова и Бобровский не появлялись в школе. На городском сайте появились сообщения, что сын театрального режиссера до сих пор в розыске. Но в школе не было никаких проверок. Более того, никто из учителей словом не обмолвился о пропаже. Даже Ольга Алексеевна предпочитала говорить, что Бобровский и Морозова до сих пор не выздоровели. Прошло больше семи дней, и по своему опыту Лиза

могла судить, что шансов вернуть их с той стороны практически не осталось. Если только они действительно на *Той* стороне.

– Итак, кто покажет, что у него получилось с задачей? – спросил Петр Валерьевич пять минут спустя. Лиза пригнула голову, чтобы он не отыгрался на ней, но физик, похоже, не собирався тянуть резину. – Комор, прошу.

Девушка поднялась со стула и направилась к доске. Вчера Лиза поздно легла, размышляя о пропавших, поэтому сегодня ее энтузиазм к науке был близок к нулю. Она понуро писала на доске физические формулы, словно занималась презируемой физкультурой.

– Комор сегодня не хочет делиться с нами любовью к физике, – заметил учитель. – Что ж, это ее право. Чего я не могу терпеть, так это ошибок в вычислениях. Глянь на третью строчку в решении.

Лиза взглянула на доску и подняла брови. Элементарная ошибка была видна с первого взгляда. Представить ее, допускающую подобное, все равно что вообразить дождь, идущий снизу-вверх. Лоб у девушки вспотел, выдавая волнение. Что-то с ней сегодня вправду не так.

– Исправляй, – приказал Петр Валерьевич, но Лиза не пошевелилась. Она продолжала тупо смотреть в стену, словно выше двойки по физике ей в жизни не ставили.

– И это выпускной класс... – сокрушенно покачал головой учитель. – Если и ты не понимаешь, в чем тут дело, то мне даже страшно просить класс помочь тебе.

– Там будет двадцать пять, а не сорок, – крикнул с места Саша Антонов. Физик поглядел на него и медленно кивнул.

– Видишь, Комор! Даже твои одноклассники, отнюдь не гении, заметь, могут правильно решить эту задачу. Ты что, забыла математику из пятого класса?

Лиза, казалось бы, не слышала никого из них. Она стояла спиной к классу, нагнув голову, изучая собственные туфли. Плечи девочки немного дергались, когда учитель обращался к ней.

– Ты совсем разленилась или еще нет? – спросил Петр Валерьевич, поднимая тон голоса. – Что ты мне прикажешь, писать на доске вместо тебя? Рука уже не поднимается?

Лиза молчала. Правая рука с зажатым в ней кусочком мела отчаянно дрожала.

– Комор, очнись! – позвала ее Скопинцева. Насмешку над одноклассницей она даже не пыталась скрыть. Но Лиза не отзывалась. Её трясло, словно в лихорадке. Но физик не унижался, втапывая девочку в грязь. Если бы это произошло с Лизой раньше, то Петр Валерьевич услышал бы немало лестных слов в свой адрес. Но сейчас она не собиралась отвечать на унижения. В ту секунду, когда Аня Совина уже хотела подняться с места и попросить физика заткнуться, Лиза развернулась в сторону учителя. Брови нахмурены, глаза – словно два бурлящих омута. Она подняла руку, и кто-то успел закричать: «осторожно», когда девочка метнул кусок мела в физика. Он попал Петру Валерьевичу в глаз, и учитель рухнул грудью на стол, зажав левую сторону лица.

Девчонки с первых парт подбежали к нему, чтобы посмотреть, серьезна ли травма, а Лиза устремила в коридор. За ней бросился Стас. Единственный вариант, где можно спрятаться в этой школе – туалет. Никто и не подумает без особого повода зайти сюда, если только не хочет пропахнуть насквозь.

Стас толкнул дверь и увидел Лизу в противоположном конце женского туалета. Она сидела под окном, облокотившись спиной о батарею. Увидев его, она заорала:

– Что ты здесь забыл? Вали!

– Успокойся, я не заставлю тебя решать задачи.

– Какого хрена ты за мной пошел? Решил поглазеть на женские писсуары?

Стас невозмутимо сел на подоконник рядом с ней. Пусть поорет – выдохнется. Лиза обозвала его несколькими довольно обидными словами, после чего спрятала лицо в ладонях.

– Чего ты здесь сидишь?

– Могу задать тебе тот же вопрос, – ответил Стас. – Но лучше сначала спрошу – какого хрена ты творила на физике?

– А тебе что, есть до этого дело?

– Представь себе, есть. Пока нашей матери Терезы – Морозовой нет, кому-то приходится контролировать весь класс. Не Скопинцевой же это доверить?

– Как будто тебе это нужно, – презрительно сказала Лиза. – Всем на всех плевать. И на тебя в том числе.

– Вполне возможно, – согласилась она. – Так ты расскажешь мне, из-за чего кинула мел в физика?

Лиза не ответила. Она сидела на полу и смотрела куда-то вниз. Ее все еще трясло, однако она больше не потела, словно под палящим солнцем.

– Вали уже, – произнесла девочка. – Не доставай.

– Тебе лучше рассказать все сейчас, – ответил Стас, но не успел закончить, потому что дверь женского туалета открылась и появился хмурый директор школы.

– Потому что потом будет хуже, – закончил он за него. – Я не ослышался, кто-то кинул мел в Петра Валерьевича?

Школьники ошарашенно молчали. Владимир Иосифович посмотрел сначала на Рябова, потом его взгляд перебежал на Лизу.

– Комор, ты совсем стыд потеряла? Сбегаешь с урока, швыряешь мел в учителей. Не пойми меня неправильно, но даже парни так не делают! Ну-ка выходите оба.

Лиза вышла первой, за ней прошел, ссутулив плечи, Рябов. Директор прикрыл за собой дверь.

– Комор – в мой кабинет, марш! Рябов – на урок.

В директорской уже сидел Петр Валерьевич, закрывая левый глаз платком. При виде Лизы он покраснел от гнева, но смог себя сдержать и отвернулся. Владимир Иосифович поинтересовался сначала, все ли в порядке у физика, а потом сел за свой стол и посмотрел на них.

– Итак, кто мне расскажет, какого черта происходит в 11 классе?

– Школьники сходят с ума, – пробурчал Петр Валерьевич. – Сначала Комор не справляется с элементарной задачей, а потом начинает кидать камни в учителя. Что дальше, придет в школу пьяной? Забеременеет? Потрясающие результаты за полгода до экзамена.

– Если уж на ваших уроках твердые хорошисты не справляются со стрессом, то что говорить об остальных? – поинтересовался директор.

– Это вы называете стресс? – нахмурил брови учитель физики. – Это обыкновенное хулиганство, никакого стресса тут нет.

– А вот что-то мне подсказывает, что все не так просто. Вы сами подумайте, Петр Валерьевич. В их классе последнее время много всего произошло. У них есть повод и право для волнений.

– Каких таких волнений? – не понял физик.

– Вы понимаете, о чем я говорю? Прошла уже неделя с тех пор как... – директор замолчал.

– Если вы о Морозовой и Бобровском, то они болеют, – сказал Петр Валерьевич. – Вы сами объявили на педсовете, что поводов волноваться нет!

– Я объявил, – тихо сказал Владимир Иосифович и его обычный грозный взгляд из-под кустистых седых бровей стал немного растерянным. – Я думал, это дело двух-трех дней, однако прошло в два раза больше и никакого результата.

– Может, стоило опросить школьников с самого начала? – спросил физик.

– Опросить? О чем? – спросила Лиза. – Что с ними такое? Они разве не болеют?

– Нет, Комор, они не болеют. Вам, кстати лучше? – спросил директор.

Девушка пожалала плечами. Внезапно дверь распахнулась и внутрь влетела тяжело дышащая Аня Комор. Она сначала оглядела кабинет, а потом попросила прощения. Владимир Иосифович невозмутимо приветствовал ее.

– Комор... э... Аня, будь добра, позови пожалуйста Алексея... ээ.. Алексея Федоровича в мой кабинет. И возвращайся сама.

Та кивнула. Школьный психолог Алексей, как все его называли, обитал в малюсеньком кабинете под лестницей на второй этаж. Его было двадцать девять лет, поэтому учителя чаще не называли его по отчеству, и эту привычку переняли ученики. Он, казалось, был не в обиде. Когда девушка зашла к нему в кабинет, Алексей искал что-то в своих папках, лежащих в старом полированном шкафу. Его полки под тяжестью бумаг просели в середине, полироль стерлась, дверцы закрывались неплотно. Раньше, когда Аня была классе в пятом, он стоял в учительской и на нем громоздились классные журналы. Теперь там стояла новая мебель, а шкаф переехал под лестницу, где второй год обитал Алексей Федорович, проработавший пару лет в неизвестной фирме в чисто номинальной должности помощника по кадрам, где успокаивал менеджеров, перебравших с утренним кофе. Его второй работой стала Зареченская средняя школа. Не слишком высокий карьерный рост, но, по крайней мере, тут он работал по профессии, которой обучался.

– Алексей Федорович, – вежливо обратилась к нему Аня. – Как ваши дела?

– Все отлично, – улыбнулся он. – Ты не сможешь?

Она подошла к нему, и он вручил ей стопку папок. Посмотрев на верхнюю, она увидела фотографию мальчика из восьмого класса.

– Это ваши школьные медицинские карты. В медкабинете совсем нет места, поэтому их на время перебазировали сюда. Зато я могу смотреть истории болезни и следить за общим состоянием пациентов. Круто ведь, да?

– Очень круто, – подтвердила Аня, чувствуя, как руки начинают уставать. Но Алексей звалил на нее еще одну стопку и не собирался на этом останавливаться.

– Я как раз ищу класс твоей сестры. Надо проверить дела больных – Морозовой и Бобровского.

– А что не так?

– Все с ними нормально, – Алексей водрузил сверху еще одну стопку, и Аня поняла, что больше не выдержит ни одного листка. – Хочу взглянуть на их истории болезни. Я, по-моему, ни разу не открывал их дел кроме Зарипова и Рябова.

– Понятно.

– Говорят, они уже давно болеют. Гляну, есть ли там что-то интересное для меня.

– Вряд ли, – сказала девушка. – Психически они оба вроде бы нормальные.

– Вроде бы? – усмехнулся Алексей, забирая у нее стопки. – Вроде бы вы все нормальные, а копнешь глубже, а там... да, Комор?

– А при чем тут я?

– В прошлом году после того случая на спортплощадке, если ты помнишь...

– Стараюсь забыть, – сказала она, нехотя вспоминая те неприятные моменты.

– Ты хорошая девочка. Умная и ответственная. Другим бы твою стойкость.

– Да я кремень, – пробормотала Аня, думая в этот момент о сестре.

– Нельзя думать, что если ребенок не реагирует на внешние раздражители, то все от него отскакивает. Наоборот, человек впитывает как губка и никто не угадает, где наступит предел. Нужно учиться выплескивать негатив, а не держать в себе. Ничего хорошего в этом нет.

– Я буду внимательнее, – пообещала Аня, не совсем понимая, что от нее требуется. Вот ее сестра отлично умеет выплескивать негатив. Физикам в лицо, например.

Алексей Федорович положил пару папок на стол. Они принадлежали Бобровскому и Морозовой. Девушка вспомнила, зачем сюда пришла.

– Вас кстати к директору вызывали. Сейчас.

– И ты молчала, – укоризненно сказал психолог. – Пойдем, раз такая спешка.

Он оставил папки на столе, и они вернулись в кабинет директора. Петра Валерьевича там уже не было. Лиза сидела в кресле, изучая собственные ладони. Владимир Иосифович заполнял какие-то бумаги.

– Я вроде бы попросил привести психолога, а не отправляться в кругосветное путешествие, – заметил директор, не отрываясь от работы. Аня извинилась за долгое отсутствие. – Посмотрите Алексей Федорович. Девочка кинула мелом в учителя. Попала в глаз, нанесла травму. Скажите же нам, что с такими делать?

Алексей удивленно глянул на ученика.

– Лиза? Что случилось?

Аня хотела незаметно уйти, но директор со своего места махнул ей, чтобы осталась. Психолог проверил у Лизы пульс, потрогал лоб.

– Ты была чем-то недовольна или возмущена? – спросил Алексей. Девочка покачала головой. – Учитель себя не так повел?

– Алексей, прекратите! – воскликнул директор. – Петр Валерьевич – педагог с большим стажем. На него бывали, конечно, жалобы со стороны учеников, но он никого не вынуждал швыряться мелками!

– Владимир Иосифович, я лишь задаю вопросы. И не вам, – мягко заметил психолог. – Это из-за физики ты расстроилась?

– Нет, – покачала головой Лиза.

– Ты уверена? Может, не сделала домашнее задание и запаниковала из-за этого?

– Я переволновалась, – бесстрастным голосом сказала Лиза. – Теперь мне очень стыдно.

– Понимаю. Но одно дело переволноваться на уроке, а совсем другое дело – кидать вещи в учителя. Это серьезный проступок, ты понимаешь?

– Я не хотела этого, – ответила она. – Не знаю, почему так получилось.

– Если уроки в этом не виноваты, то из-за чего ты была взволнована?

Лиза снова не ответила.

– Это как-то связано с твоими одноклассниками?

Девушка слегка дернула плечами, но продолжала смотреть в сторону.

– Я переволновалась, – повторил она.

– Это связано с тем, что двое из твоего класса не ходят в школу и не отвечают на звонки?

– Алексей! – крикнул директор. Лиза быстро повернула голову к психологу. В ее глазах читался страх и недоверие. «Вряд ли Алексею удастся что-то узнать у сестры, у нее явно что-то не то с нервами», – подумала Аня.

– Пойдем, Комор. Поговорим в моем кабинете.

Психолог дал выйти девушке, после чего вышел сам. Аня устремилась за ними, но ее окликнул директор.

– Я вчера звонил вашему отцу.

– Зачем? – резко спросила Аня. Директор вздохнул.

– У нас с ним состоялся недолгий разговор, касающийся его деятельности.

– Папа работает в строительной фирме, – сказала девушка.

– Я не про эту часть его работы. Меня интересовала, так сказать, неофициальная деятельность.

– Он что, ворует стройматериалы? – поинтересовалась Аня. – В таком случае, нам ничего об этом неизвестно.

– Вечно вы, девушки, со своей иронией, – Владимир Иосифович осуждающе глянул на нее. – К месту и не к месту. В данном случае, совсем не к месту.

– А мы тут причем?

– Я уже давно был наслышан о... том, чем вы с отцом занимаетесь, – продолжил директор, а мы так ничего и не поняли. – Нельзя сказать, что я во все это верю, но один мой знакомый директор... Словом, пятиклассница же не могла на самом деле ходить по потолку?

– Нет не могла, – кивнула Аня, вспоминая эту историю.

– То есть, ты сама всё это отрицаешь? – брови директора приподнялись.

– Что ложь, то ложь, – пожалала та плечами.

– Может, вы расскажете, что там на самом деле произошло?

– Да мы особо и не в курсе. Пропала маленькая девочка, а нас попросили ее найти.

– Вот-вот! – воскликнул Владимир Иосифович. – С этого давно надо было начать. Она пропала, и что? Вы ее нашли?

– Не совсем, – ответила Аня.

– Как это?

– Понимаете, мы ищем не просто пропавших детей. Мы же не полиция и не частные детективы.

– Но я слышал много рассказов о...

– Простите, что перебила, но дослушайте. Мы ищем тех детей, которые исчезли необычными способами. Они не играли вечером в песочнице и их не увезли неизвестные дяди в тонированной машине. Это не дети богатых родителей. Вернее, не только, – стала объяснять Аня. – Нас просят найти детей, когда кое-что случается.

– Что случается?

– Чаще всего дети пропадают по собственной вине, – продолжила девушка. – Они могут найти где-то описание, или им что-то расскажут или покажут. В определенных ситуациях срабатывают определенные действия, и дети исчезают.

– Ты можешь говорить точнее? – раздраженно попросил директор. – Какие действия, какие ситуации?

Аня вздохнула.

– Владимир Иосифович, вы верите в жизнь после смерти?

– А какое это имеет отношение к нашему разговору?

– Самое прямое, – заверила его девушка.

– Нет, не верю. Я атеист.

– Что такое атеизм в общем? – спросила та. – Это отрицание тех вещей, чье существование в реальности доказать нельзя. Верно?

– И это тоже, – кивнул директор.

– А что происходит, если вы внезапно обнаруживаете то, доказательство чьего существования вы считали бессмысленным?

– Не знаю, я с этим не сталкивался. Вы будете говорить конкретнее, или мы простоим тут еще урок?

– Мы не можем говорить быстрее, иначе к психологу вы отправите не только мою сестру, – сказала Аня. – Можете сколько угодно рассказывать нам, что не существует того, чего вы не видели своими глазами, но раз вы сами начали разговор, слушайте.

– Ну?

– Есть нечто, позволяющее нам заглянуть за границы этой реальности.

– Вроде наркотиков?

– Типичная реакция, – вздохнула Аня. – Но вы обещали слушать, так выполняйте. Существуют некоторые вещи, которые никто не может объяснить, но они работают. Это могут быть слова, произнесенные в определенном месте или рядом с какими-то вещами. Это могут быть и вещи, с которыми нужно кое-что сделать. И тогда, возможно, вы проникнете на Другую сторону.

– Какую еще сторону?! – воскликнул Владимир Иосифович.

– Мы сами не совсем знаем, – ответила Аня. – Это могут быть места из воспоминаний тех людей, которые проводили эти ритуалы. Словно сны, в которых смешивается реальность и наше подсознание. Но это не сны. Та сторона такая же реальная, как и эта.

– И почему я решил вас выслушать? – директор отошел к столу. – Ваш отец воспитал каких-то сумасшедших, вы слышите себя? Он вас что, наркотиками кормит?

– А вы себя слышите? – повысила голос девочка. – Наш отец уважаемый человек, а мы разве похожи на наркоманок или сумасшедших?

– Думаешь, я не в курсе слухов что про вас ходят? Вас многие считают сумасшедшими. Я могу привести примеры...

– Вы лучше приведите примеры благодарных родителей, которым мы вернули детей, – заметила Аня. – Хотите вы или нет, но двое одиннадцатиклассников не заболели, как вы всем рассказали. Они что-то сделали и пропали.

– Что они могли сделать?! Вы в своем уме? – закричал директор. На лбу у него вздулась вена, а лицо покраснело.

– Пока мы этого не знаем. Но выясним, рано или поздно, – ответила ему Аня. – Вы можете нам не верить, но вы говорили с нашим отцом. Не думаю, что, если бы он показался вам сумасшедшим, вы пришли к нам.

– Я не так себе это представлял, – отозвался Владимир Иосифович. – Я думал, это что-то вроде спиритических сеансов и гадания по фотографии. Мне представили вас как экстрасенсов. Не скажу, что я верю в это стопроцентно, но вероятность учитываю. А вы тут мне про какую-то другую сторону и ритуалы.

– А во что вы тогда верите?

– Я верю в людей и в их поступки. Я верю, что есть хорошие люди, а есть плохие, которых неправильно воспитали и привили иные ценности. Словом, мне без разницы, колдуете вы или что еще, я с вашим отцом обсудил дела и обращаюсь к вам.

– Что вы хотите?

– Не думаю, что для тебя новость, что Таня Морозова и Павел Бобровский пропали.

– Не новость, – подтвердила она.

– Прошло больше недели, но полиция не нашла ни одной зацепки в обоих делах. Абсолютный ноль, который... действительно меня пугает.

– И вы считаете... – начала было Аня.

– Нет, я не хочу сказать, что вы как-то в этом замешаны...

– Мы этого не делали!

– Успокойся, никто вас пока не обвиняет, – поднял голос в ответ Владимир Иосифович.

– Стоит ли думать, что мы под подозрением? – нахмурилась Аня.

– Понимай как хочешь, – директор хлопнул ладонью по стопке бумаг, лежащих у него на столе, и поднялся со стула. – Я ясно сказал, какую популярность вы имеете в моей школе. И я бы не хотел, чтобы ученики подумали, что вы как-то причастны к этим... исчезновениям.

– Никто и не подумает, – Аня смотрела на директора с гримасой отвращения на лице. – Можете не волноваться.

– Я вас предупреждаю, – сказал Владимир Иосифович. – Не приближайтесь к родственникам пропавших, не трогайте места, где они пропали, и ни в коем, повторюсь – НИ В КОЕМ СЛУЧАЕ не смейте дурить головы людям и утверждать, что чем-то можете им помочь. У родителей и так большое горе, а если вы еще полезете со своим шарлатанством... Вам ясно?

Аня гордо развернулась и вышла из кабинета, пробурчав под нос.

– Ясно, как божий день.

Глава 5. Дело номер 11А

– Отойди, хиляк!

Юру отбросило мощным толчком в плечо. Он стукнулся о железный шкафчик лбом и раздраженно потер место ушиба. Однако сделать ничего не мог. Мимо него в одних трусах протопал Антон, с презрением покосившись через плечо. Ноги на мокром полу скользили и Юра Конских никак не мог ответить плечистому однокласснику тем же. Он пробормотал вслед пару ругательств и потянулся в шкаф за пакетом с умывальными принадлежностями.

Урок плавания, всегда стоявший по непонятной причине первым по расписанию, у 11А закончился, и мужская половина коллектива собиралась в школу. Антон Мартыненко забрал свой шампунь и последним направился в душевую кабину. Все остальные уже закончили мыться и желали поскорее выбраться в раздевалку, чтобы одеться и пойти домой. Все, кроме юного физика Стаса, который обреченно рылся в мусорном ведре в углу комнаты. Кто-то каждое занятие выбрасывал туда его очки, и Рябову приходилось искать их среди не самых приятных вещей. Он был бы рад брать их с собой на урок, однако не позволял преподаватель.

На урок пришли все кроме Асхата Зарипова, который, как обычно, отпросился из-за болезни. С восьмого класса он был в бассейне всего два раза, один из которых не взял с собой купальную шапочку. Главный актер театра и кино 11А-класса Павел Бобровский отсутствовал уже больше недели. Вестей от него никаких не было и на главном городском сайте Зареченска по-прежнему висела его фотография, просящая каждого посетителя обратить внимание на пропавшего мальчика семнадцати лет.

Рядом со шкафчиком Антона расчесывал длинные волосы Витя Ончук. Он бассейн обо-жал и готов был плавать туда-сюда и особенно прыгать с вышки бесчисленное количество раз. В отличие от него, спортсмен Игорь больше любил бег и футбол, поэтому выпрыгивал из бассейна быстрее всех, одевался и исчезал.

Саша Антонов уже натянул джинсы и заправлял рубашку. Рядом с ним лежал телефон, на громкой связи которого был слышен хохот его друга из десятого класса. Вдвоем они составляли школьную команду КВН «Боб и брюнетка». Кто из них был Бобом, а кто брюнеткой доподлинно не известно, сами они тайну открывать не спешили.

– Эй, очкарик! В четверг контрольная, ты не забыл, что садишься на мой вариант? – Антон промаршировал мимо Стаса. Тот обнаружил, наконец, свои очки и теперь смотрел сквозь них на лампы. Они были заляпаны шампунем, который стекал с дужек зеленой массой. – Фу, ну и гадость! Наверное, хреново быть тобой.

Антон зашел в душ, напевая что-то под нос. Постепенно все вышли из раздевалки. Сюда заглянула один раз уборщица, цокнув языком. Даже Стас вытер свои очки, надел рубашку, и вышел на лестницу. Мартыненко неспешно смывал с себя шампунь.

Он пока не замечал, что температура воды начала повышаться. Сначала ненамного, на пару градусов. Потом стала существенно жечь плечи. По углам душевой комнаты стал скапливаться пар и подниматься вверх. Антон покрутил ручку с синей клепкой, но вода холоднее не стала. Хмыкнув, он продолжить смывать пену, надеясь выйти быстрее, чем свариться в крутом кипятке.

Душевую окончательно заволокло паром и сквозь него даже свет проникал еле-еле. Внезапно дверь раздевалки приоткрылась и в проеме показались чьи-то очки с толстыми линзами.

Стас оглядел раздевалку. Из дверного проема душевой ползли клубы пара. Стас прошел в дверь, оглядел шкафчики и подкрался к душе. Шкафчик Антона был приоткрыт, на створке висели брюки. Сквозь белую пелену ничего не было видно, лишь шумела вода. Стас схватил их, быстро подошел к урне и швырнул брюки одноклассника туда. Стас собрался двинуться

обратно, как что-то привлекло его взгляд. Через пар проглядывали темные очертания человеческой фигуры, и Рябов догадался, что это его одноклассник. Однако очертания эти менялись, становились изогнутыми, словно горячий пар искажал их. Человеческая тень превращалась в подобие черного дыма. Начинаящий физик замер, не в силах пошевелиться. Тень Антона разрослась на всю душевую и белый водяной пар, казалось, вступил в борьбу с черным дымом. Они не смешивались друг в друга, вопреки всем законам физики, оставаясь независимыми субстанциями.

Дыма стало меньше, пар заполнял собой все пространство душевой комнаты, Стас чувствовал огромную температуру, обжигавшую его лицо, хотя он стоял в двух метрах от открытой двери в душевую. Вода там почти кипела, сливаясь в водосток. Пахло разогретым металлом и резиной. И тогда мальчик услышал шепот. Он плыл по воздуху словно клубы пара, закатываясь в уши, обжигая перепонки. Смысл слов был непонятен. Слов не было. Вместо этого в голове Стаса поселился дикий страх, от которого поднялись волосы на голове, а глаза расширились, и без того огромные за линзами очков.

Мальчик сорвался с места и выбежал из раздевалки, перепрыгивая через ступени, минул лестницу и выбежал наружу. Вдохнув стылый апрельский воздух, он закашлялся так сильно, что лицо покраснело, полились слезы, а очки упали на асфальт. Когда приступ кашля прошел, здравый рассудок вернулся к школьнику. Стас посмотрел на здание бассейна и зашагал в сторону остановки, откуда отходил автобус в школу. Почему-то он знал, что Антона на уроках не будет.

* * *

На втором уроке Антон не появился. Не было его и на географии.

– Кто сделал домашку? – кричал Саша, с отчаянием в голосе. Вечерние репетиции клуба не давали ему нормально заниматься, из-за него он постоянно получал выговоры и двойки карандашом в журнал; обещал исправить и всякий раз снова посвящал вечера репетициям. Как результат – у довольно умного парня пятерок в аттестате водилось не густо.

– Уже поздно. Там пересказ задавали, – ответила ему Аня Совина и покачала головой. – Когда же ты возьмешься за учебу?

– После финальной игры. 16 мая – самый важный день!

– Через пару недель начнутся пробные экзамены. Тебе придется выбирать. С этими тестами шутки плохи.

– Всем сесть, – скомандовала Мария Николаевна, заходя в класс. Завуч оглядела 11А, недовольно буркнула себе под нос и, подойдя к столу, кинула на него коричневый потрепанный журнал с оценками. – Где Мартыненко?

– На первом уроке был, – отрапортовала Скопинцева, временно взявшая на себя обязанности старосты.

– А на втором что? Сплыл?

Рябов поежился на стуле. Глаз на учителя он не поднимал.

– Телефон не отвечает, – сказала Саша. – Может, ему стало плохо?

– Глупо устраивать плавание в самом начале учебного дня, – Мария Николаевна водила пальцем по строкам журнала, словно снайпер, намечающий жертву.

– Вы же завуч. Отменить плавание по утрам – в вашей компетенции, – тихо сказала Лиза. Учебник географии лежал перед ней закрытым, пока она копалась в телефоне. Завуч услышала.

– Самых умных прошу к доске. Комор, твой выход.

Лиза поморщилась: последнее время ее слишком часто вызывают отвечать. Вчера она даже не открывала учебник, весь вечер потратила, строив с Аней догадки, как же исчезают ее одноклассники. Девушка медленно встала и прошла мимо парт к доске. Скопинцева и Шапур

хихикнули за спиной. Думая, что будет отвечать, Лиза поворачивала головой в поисках поддержки класса. Но все уткнулись в учебники, зная, что следующим может быть любой из них.

– Что ж, Лиза. Я вижу, что у доски ты куда менее разговорчива, чем за партой. И правда, ведь у тебя в телефоне открыта явно не страница учебника экономической географии, – сказала Мария Николаевна, ухмыляясь. – Не буду тебя сильно нагружать, расскажи пожалуйста, что ты узнала из заданной главы об экономике нашей области?

– Так, ну во-первых, я узнала, что... у нас много заводов, – сказала Лиза.

– И, наверное, даже узнала каких? В каком городе находится криолитовый завод?

Лиза впервые услышала это слово. С первой парты Аня отрицательно машет головой. Что она имеет в виду?

– В Зареченске его нет.

– Я рада, что ты разбираешься в заводах родного города. Однако ж, где я могу найти этот завод, если мне срочно понадобится криолит?

– В Полевском! – ответил с места Юра.

– Ты, видимо, перепутал. Это Комор сейчас стоит у доски, а не ты, – съязвила завуч. – Однако ответ правильный. Хоть и не точный. Еще один криолитовый завод располагается в городе Кувандык. К сожалению, оба сейчас не функционируют. Так, а скажи-ка мне, Комор...

Договорить Марии Николаевне не дал стук в дверь. Она недовольно поднялась с места и подошла к двери. В класс протиснулся высокий мужчина в джинсах.

– Здравствуйте, могу я забрать у вас одного ученика? – спросил он.

Стас похолодел. Он осторожно взглянул на человека у дверей.

– А кто вы? – поинтересовалась завуч.

– Сержант Никита Кривцов. Нас вызвал ваш директор. Это касается пропажи учеников.

– Говорите тише, – попросила Мария Николаевна. – Вы понимаете, что сейчас урок и конец года? Это не подождет полчаса?

– К сожалению, нам надо опросить весь класс. Хочется начать скорее, – настойчиво ответил сержант. – Будьте добры, Лизу Комор.

Та удивленно выглянула из-за спины завуча.

– Что ж... – Мария Николаевна развела руками. – Иди. Двойка тебя подождет.

* * *

Директор выделил следователям каморку под лестницей, которую занимал психолог. Сам Алексей Федорович вынужденно переселился в учительскую, вместе с медицинскими картами нескольких учеников, которые решил перечитать, чтобы не терять времени зря.

– Итак, Лиза Егоровна Комор, семнадцать лет, рост метр шестьдесят семь, волосы светлые. Как поживаешь? Как папа?

– Рустам Олегыч, на здоровье не жалуемся, – девочка улыбнулась. Ей стало немного легче от того, что одного из них она немного знала, хоть и считала обоих болванами. Рустам частенько принимал заявления от встревоженных людей, чьи дети или родственники куда-то подевались, а через пару дней таинственным образом находились. Отзывая периодически такие заявления, он не мог не заинтересоваться, кто же находит всех этих восьмилетних мальчиков, шестнадцатилетних девочек? Он не поверил, когда ему рассказали о двух сестрах и об их способностях, пока не случилось одно дело. Ему было легче воспринимать их как экстрасенсов, способных находить пропажу, во Тьму он так и не смог поверить. И теперь, когда одиннадцатый класс начал уменьшаться в количестве, он взялся за это расследование.

– Лиза, расскажи пожалуйста о том вечере, когда вы с отцом и Павлом Бобровским посещали театр.

Она напрягла память и постаралась воспроизвести в своей голове события недельной давности. Лиза рассказала про спектакль, про то, что неожиданно обнаружила, что Паши нет на соседнем кресле, как пошла его искать, как зашла в мужской туалет, потому что показалось, что кто-то там спустил воду.

– Этот звук точно был похож на звук воды? – спросил второй следователь, Кривцов.

– Да, мне показалось, кто-то смыл воду в унитазе. Но в комнате никого не было, когда я зашла.

– Может, это было в женском туалете?

– Нет, женский напротив, я совершенно точно услышала звук со стороны мужского туалета.

– И когда ты вошла туда, там никого не оказалось? – спросил Рустам Олегович.

– Там было пусто, – кивнула Лиза.

– Никакого звука на самом деле не было?

– Я не уверена, что он был.

– Это точно все, что ты видела? Ничего больше? – спросил ее Никита Кривцов.

– Лиза, – Рустам понизил голос. – Ты наш единственный свидетель. Никого больше, кроме твоей сестры, рядом не было. Ты понимаешь, что на тебе лежит вся ответственность?

– Я Бобровского не крала.

– Я не говорю, что ты причастна. Я лишь прошу тебя рассказать *все*, что ты видела.

– Это все, – девушка пожала плечами.

Рустам Олегович наклонил голову влево, и пододвинул ближе своей портфель. Из него он извлек какой-то снимок и протянул ей. Лиза увидела кафельный пол туалета. А на нем лежала туфля Бобровского.

– Ничего не хочешь мне сказать? – спросил Рустам.

– Это чья-то обувь?

– И ты знаешь чья она. Потому что ты была там и видела ее. Это туфля твоего одноклассника, Лиза. Почему ты нам врешь? – строго спросил сержант Кривцов.

– Не надо на нее кричать, – попросил Рустам. – Лиз, ты же понимаешь, что для расследования важна каждая деталь. И ты упускаешь их. Почему ты не сказала про обувь?

Лиза замялась.

– Я не хотела верить, что он пропал именно там.

– То есть? – спросил Кривцов.

– Это же странно, правда? Парень уходит ничего не сказав, заходит в туалет, спускает воду и исчезает. А на полу – только лишь туфля. Окон там нет, из комнаты он не выходил.

– Ты не виновата, – сказал Рустам. – Расскажи всё, что видела. Ничего не утаивая.

– Больше я ничего не знаю. Я правда ничего не видела. И не понимаю, что с ним случилось.

– Выйди, пожалуйста, на минутку, – попросил Рустам своего напарника. Тот покачал головой, показывая свое недовольство, но удалился. Рустам пододвинул стул ближе и внимательно посмотрел в глаза девушки.

– Я знаю, что тебе приходилось нелегко. Вы с сестрой через многое прошли.

– Seriously? – она усмехнулась. – Вы во всю эту чушь не верите.

– Нет, не верю. Но ты адекватная девочка и точно не врунья. Я знаю тебя почти четыре года и за это время ты многим людям помогла. Уж не знаю, как это у вас с сестрой получается и, думаю, не хочу, но вы делаете правильные вещи.

– Но вы этого не одобряете?

– Скажем, я считаю, что пропажами людей должны заниматься более компетентные органы, чем две школьницы.

– А если эти органы ничего не могут сделать?

– Никто не может сделать всего, – Рустам повернул голову к окну. – Но чувство, что тебе нужно спасти всех – опасное чувство. Потому что спасти всех нельзя.

– Я и не спасла Пашу. И Танька пропала.

– Ты думаешь, эти случаи связаны?

– Мы с сестрой думаем, что да. Вода, закрытые помещения, исчезновения без следа – это безусловно связано.

– И опять пахнет чем-то таинственным? – чуть улыбнулся Рустам.

– Будьте уверены, вы ничего не найдете. Аня считает, что мы столкнулись с чем-то совершенно особенным.

– Вы опять начинаете собственное расследование? – спросил полицейский. – Помните, что я говорил вам в прошлый раз – когда-нибудь вы попадете в беду. Ты даже представить себе не можешь, с чем приходится иногда сталкиваться.

– Это вы себе представить не можете, – Лиза повысила голос и взглянула Рустаму в глаза. – Не буду вам рассказывать подробности, мне хватило одного психиатрического освидетельствования, что вы мне устроили, но повторяю – вы ничего не найдете. А когда выйдете из сил, будет уже поздно.

Рустам, нахмурившись, шагнул по кабинету психолога. Никита вернулся к ним вместе с Аней Комор.

– Морозова сказала, что вы были у нее дома. Зачем?

– Нас послала классная руководительница, навестить маму Тани.

– Врешь. Ольга Алексеевна посылала двух других учениц. А вы пришли к ней по своей воле. Вы что-то обнаружили? Аня?

Девушка молчала.

– Анна, я требую, чтобы ты рассказала мне, зачем вы ходили к матери Морозовой! – крикнул Рустам.

– Мы хотели оглядеть место пропажи, – спокойно сказала Аня.

– И что вы там увидели?

– Практически ничего.

– Никаких сверхъестественных догадок? – насмешливо спросил Рустам Олегович.

Аня посмотрела на него своими большими темными, как у мамы, глазами. Этот взгляд означал, что ты тупой придурок, которому лучше не лезть не в свое дело. Рустам его не знал.

– Вы заглядывали под ванну? – спросила Лиза за нее.

– Да, мы оглядели все, – сказал Николай. – Вы хотите сказать, что нашли больше, чем мы?

– Это зависит от того, что нашли вы, – сказала я.

– Вы тоже видели кровь?

– Рустам! – воскликнул Никита.

– Вам ничего не найти, – сказала Аня. – Никаких следов, никаких улик. Их и не может быть, ведь вы ищете людей, которые могли их похитить. А людей там не было.

– Тише будь, – шепнула Лиза. Она знала последствия таких разговоров – отец предостерегал их, чтобы дочери как можно меньше болтали о таких вещах. Тем более с полицией.

– Их отец окончательно задурил им головы, – махнул рукой следователь Кривцов. – Давно надо было привлечь его к ответственности. Девчонкам скоро в институт, а они в страшилки играют.

Аня молчала, стараясь не усложнять ситуацию. Допрос длился уже час, и она не хотела его продолжения в отделении.

– Значит так, – строго сказал Рустам. – Вы не приближаетесь к местам пропажи одноклассников. Вы не ведете собственное расследование. Вы не трогаете родителей Бобровского

и Морозовой. А я позвоню вашему отцу и предупрежу, чтобы он ходил за вами попятам, пока вы вне школы.

– Как вам угодно, – сказала Лиза и встала со стула. – Разрешите вернуться к занятиям?

– Вы свободны, девочки, – ответил Рустам.

* * *

Перед дверью своего класса Лиза замешкалась, прислушиваясь. Внутри шло бурное обсуждение. Все старались высказать свои догадки, исходя из своей фантазии.

– Да кому они нужны! – морщилась Скопинцева. – Сбежали куда-нибудь на дачу, да сидят там.

– Вдвоем? – улыбнулась ее подруга Инна. – Может, не случайно они пропали одновременно?

Саша Антонов считал, что их украли.

– Увидите, скоро их родители получат требования о выкупе. Бобровский знаменитый режиссер, вот его сына бандиты и схватили.

– Ты хотя бы знаешь, когда последний раз у нас в городе кого-то похищали? – усмехался Витя Ончук. – Такое уже лет десять никто не делал.

– Бобровский ладно, у них хоть машина нормальная. А с Морозовой что взять? Они с матерью вдвоем живут в квартирке, ни ремонта нормального, ни автомобиля! – говорила Скопинцева. – Если они ее похитили, то уж точно не ради денег.

– Вполне возможно, это сексуальное рабство, – важно заметил Юра. – Каждый год огромное количество девушек пропадает из-за похищений на сексуальной почве. Возможно, она уже где-нибудь в Турции.

– Хотела бы я быть сейчас в Турции, на пляже, – размышляла Инна. – А с этим поступлением и экзаменами я, похоже, пропускаю это лето.

Лиза открыла дверь и зашла в класс.

– Юра сказал слово на букву «с»? Ты что, вчера отключил безопасный поиск в видеозаписях «Вконтакте»?

Все разом посмотрели на нее.

– Ну как? – спросила Аня.

– У них ничего нет, – ответила девочка. – Ни улики, ни подозрений. Можете не волноваться. Кстати, Игорь, ты следующий.

– Да это не мы должны волноваться, – сказала Саша. – Все знают, кто у нас больше всех на голову двинут. Вы тогда были рядом с Бобровским. Может, похитили Бобровского и подвергли его своим мерзким ритуалам?

– Не заткнешься, я «подвергну мерзкому ритуалу» тебя, – буркнула Лиза.

– Это у них *пока* нет подозрений, – заметил Витя. – Откуда мы знаем, что все говорят на допросе? Какие тайны выдают?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.